Фрэнсис Бёрнетт

Маленький лорд Фаунтлерой

Фрэнсис Элиза Ходжсон Бёрнетт

Маленький лорд Фаунтлерой

Серия «Детская литература (Издательский Дом СОЮЗ)»

Глава I
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74461681
Маленький лорд Фаунтлерой / Фрэнсис Бернетт, перевод Екатерины Сысоевой: СОЮЗ; Москва; 2026
ISBN 978-5-60-554553-8

Аннотация

Семилетний Седрик Эрроль живет простой, но счастливой жизнью в Нью-Йорке со своей добросердечной матерью. Умный, сострадательный и удивительно обаятельный, Седрик завоевывает сердца всех, кого встречает – от лавочника мистера Гоббса до детей по соседству. Но все меняется, когда приезжает адвокат с шокирующей новостью: Седрик – единственный наследник огромного поместья и благородного титула графа Доринкорта. Дед Седрика, граф Доринкорт, хочет забрать своего единственного внука в Англию, чтобы воспитать из него настоящего аристократа Итак, Седрик оказывается в большом замке со сварливым и циничным дедушкой. Несмотря на холодное поведение графа, безграничный оптимизм и искренняя доброта Седрика начинают смягчать сердце старика. Но тут

появляется некая женщина, утверждающая, что настоящим наследником титула является ее сын.

Содержание

Глава I 6
Глава II 20
Глава III 55
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Фрэнсис Бернетт
Маленький лорд Фаунтлерой

Frances Eliza Hodgson Burnett
«LITTLE LORD FAUNTLEROY»

© ИП Воробьёв В. А.
© ООО ИД «СОЮЗ»
WWW.SOYUZ.RU

Глава I
Удивительная неожиданность

Седрик решительно ничего не знал об этом, знал он только, что отец его был англичанин; но папа умер, когда Седрик был совсем маленьким мальчиком, и потому он помнил о нем не очень много; он помнил только, что папа был высокого роста, что у него были голубые глаза и длинные усы и что было необыкновенно весело путешествовать по комнатам, сидя у него на плече. После смерти папы Седрик убедился, что лучше не говорить с мамой о нем. Во время его болезни Седрик а увезли из дому, а когда Седрик возвратился, все уже было кончено и его мама, которая тоже была очень больна, только что перешла с постели на свое кресло у окна. Она была бледна и худа, все ямочки с ее милого лица исчезли, глаза ее смотрели печально, а платье на ней было совсем черное.

– Милочка, – спросил Седрик (папа всегда так называл ее, и мальчик стал подражать ему), – Милочка, папе лучше?

Он почувствовал, как задрожали ее руки, и, подняв свою кудрявую головку, взглянул ей в лица Она, видимо, едва удерживалась от того, чтобы не разрыдаться.

– Милочка, – повторил он, – скажи, ведь ему теперь хорошо?

Но тут его любящее маленькое сердечко подсказало ему, что лучше всего обвить обеими руками ее шею, прижаться мягкой щечкой к ее щеке и целовать ее много-много раз; он так и сделал, а она опустила голову на его плечо и горько заплакала, крепко прижимая его к себе.

– Да, ему хорошо, – рыдала она, – ему совсем хорошо, но у нас с тобой никого больше не осталось.

Хотя Седрик был совсем еще маленький мальчик, но он понял, что его высокий, красивый, молодой папа никогда уж больше не вернется, что он умер, как умирают другие люди; и все же он никак не мог уяснить себе, отчего это так случилось? Так как мама всегда плакала, когда он заговаривал о папе, то он решил про себя, что лучше не упоминать о нем слишком часто. Вскоре мальчик убедился, что не следует также давать ей сидеть подолгу безмолвно и неподвижно, глядя в огонь или в окно.

У него и у мамы было мало знакомых, и жили они совсем одиноко, хотя Седрик не замечал этого, пока не сделался старше и не узнал причины, почему у них не бывало посетителей. Тогда ему рассказали, что мама его была бедной сироткой, у которой никого не было на свете, когда папа женился на ней. Она была очень хорошенькая и жила компаньонкой у богатой старой дамы, которая дурно обращалась с ней. Однажды капитан Седрик Эрроль, придя к этой даме в гости, увидел, как молодая девушка подымалась по лестнице со слезами на глазах, и она показалась ему такой прелестной,

невинной и печальной, что с той минуты он не мог позабыть ее. Вскоре они познакомились, крепко полюбили друг друга и, наконец, повенчались; но брак этот вызвал неудовольствие окружавших их людей. Всего же больше сердился отец капитана, который жил в Англии и был очень богатый и знатный господин, известный своим дурным характером. К тому же он от всей души ненавидел Америку и американцев. Кроме капитана, у него было еще двое сыновей. По закону старший из них должен был унаследовать фамильный титул и все обширные имения отца. В случае смерти старшего наследником делался следующий сын, так что для капитана Седрика было мало шансов превратиться когда-нибудь в богатого и знатного человека, хотя он и был членом такой знатной семьи.

Но случилось так, что природа наделила младшего из братьев блестящими способностями, которыми не обладали старшие. У него было красивое лицо, грациозная фигура, мужественная и благородная осанка, ясная улыбка и звучный голос; он был храбр и великодушен и притом обладал добрейшим сердцем, что в особенности привлекало к нему всех знавших его людей. Не таковы были его братья. Еще мальчиками в Итоне *[Учебное заведение, в котором учатся дети высшей аристократии в Англии – Здесь и далее примеч. переводчика]* они не были любимы товарищами; позже в университете они мало занимались наукой, совершенно даром тратили время и деньги и не сумели приобрести себе истин-

ных друзей. Они постоянно огорчали своего отца, старого графа, и оскорбляли его самолюбие. Его наследник не делал чести своему имени, продолжая оставаться все тем же эгоистичным, расточительным и недалеким человеком, лишенным мужества и благородства. Очень уж было обидно старому графу, что только третий сын, которому предстояло получить лишь весьма скромное состояние, обладал всеми качествами, необходимыми для поддержания престижа их высокого общественного положения. Иногда он почти ненавидел молодого человека за то, что он был наделен теми данными, которые как будто исчезли у его наследника и были вытеснены громким титулом и богатыми поместьями; но в глубине своего гордого, упрямого старого сердца он все же не мог не любить своего младшего сына. Во время одной из своих вспышек гнева он послал его путешествовать по Америке, желая удалить на время, чтобы не раздражаться постоянным сравнением его с братьями, которые как раз в эту пору причиняли ему много забот своим беспутным поведением.

Но через полгода он начал чувствовать себя одиноким и втайне стремился увидеться с сыном. Под влиянием этого чувства он написал капитану Седрику письмо, требуя его немедленного возвращения домой. Письмо это разошлось с письмом капитана, в котором тот сообщал отцу о своей любви к хорошенькой американке и о намерении жениться на ней. По получении этого известия старый граф безумно рассердился; как ни скверен был его характер, никогда еще гнев

его не достигал таких размеров, как при получении этого письма, и его слуга, бывший в комнате, невольно подумал, что с его сиятельством, вероятно, случится удар. В продолжение целого часа он бегал, как тигр в клетке, но, наконец, мало-помалу успокоился, сел за стол т написал сыну письмо с приказанием никогда не приближаться к его дому и никогда не писать ни ему, ни братьям. Он писал, что капитан может жить где хочет и как хочет, что он отрезан от семьи навсегда и, конечно, не может уже более рассчитывать на какую-либо поддержку со стороны отца.

Капитан весьма опечалился; он очень любил Англию и был сильно привязан к родному дому; он любил даже своего сурового старого отца и жалел его, видя его огорчения; но он также знал, что с этой минуты не может уже ожидать от него никакой помощи или поддержки. Сначала он не знал, что ему делать: его не приучили к труду, он был лишен практического опыта, но зато у него было много мужества, а потом он поспешил продать свою должность в английской армии; после долгих хлопот он нашел себе место в Нью-Йорке и женился. Перемена в сравнении с его прежней жизнью в Англии была очень ощутительной, но он был молод и счастлив и надеялся, что упорный труд поможет ему создать себе хорошее будущее. Он приобрел маленький домик в одной из отдаленных улиц города, там родился его маленький сынок, и вся жизнь казалась ему такой хорошей, веселой, радостной, хотя и скромной, что он ни на минуту не раскаивался в

том, что женился на хорошенькой компаньонке богатой старухи единственно из-за того, что она была прелестна и что они нежно любили друг друга.

Жена его действительно была очаровательна, а их сынишка одинаково напоминал отца и мать. Хотя он родился в очень скромной обстановке, но казалось, что в целом мире не было такого счастливого ребенка, как он. Во-первых, он всегда был здоров и никогда не причинял никому беспокойства, во-вторых, у него был такой милый характер и такой веселый нрав, что он всем доставлял одно только удовольствие, и в-третьих, он был необыкновенно хорош собой. В противоположность другим детям он явился на свет с целой шапкой мягких, тонких, золотистых вьющихся волос, которые к шести месяцам превратились в прелестные длинные локоны. У него были большие карие глаза с длинными ресницами и миловидное личико; спинка и ножки его были так крепки, что девяти месяцев от роду он уже научился ходить; при этом он отличался таким редким для ребенка поведением, что все с наслаждением возились с ним. Казалось, он всех считал своими друзьями, и если кто-нибудь из прохожих подходил к нему, когда его катали в маленькой колясочке по улице, он обыкновенно устремлял на незнакомца серьезный взгляд, а потом очаровательно улыбался. Неудивительно после этого, что все жившие по соседству с его родителями любили и баловали его, не исключая даже мелочного торговца, слывшего за самого угрюмого человека в мире.

Когда он вырос настолько, что мог гулять с няней, таща за собою маленькую тележку, в белом платьице и большой белой шляпе, надвинутой на золотистые кудри, он был так красив, так здоров и так румян, что привлекал к себе всеобщее внимание, и няня не раз, возвращаясь домой, рассказывала матери длинные истории о том, как многие дамы останавливали свои экипажи, чтобы поглядеть на него и поговорить с ним. Больше всего очаровывала в нем именно эта радостная, смелая, оригинальная манера знакомиться с людьми. Это, вероятно, объяснялось тем, что у него бил необыкновенно доверчивый характер и доброе сердечко, которое сочувствовало всем и всех хотело сделать такими же довольными и счастливыми, как он сам. Это сделало его очень чутким по отношению к другим людям. Нет никакого сомнения, что подобное свойство характера развилось в нем под влиянием того, что он постоянно находился в обществе своих родителей – любящих, спокойных, деликатных и воспитанных людей. Он всегда слышал одни только ласковые и вежливые слова; все его любили, нежили и ласкали, и он под влиянием такого обращения невольно привык также быть добрым и мягким. Он слышал, что папа всегда называл маму самыми ласковыми именами и постоянно относился к ней с нежной заботливостью, а потому и он научился во всем следовать его примеру.

Поэтому, когда он узнал, что папа не вернется, и видел, как печальна мама, в его доброе сердечко понемногу прокра-

лась мысль, что ему нужно постараться по возможности сделать ее счастливой. Он был еще совсем маленький ребенок, но эта мысль овладевала им всякий раз, когда он взбирался к ней на колени и клал свою кудрявую головку на ее плечо, когда приносил показывать ей свои игрушки и картинки, когда свертывался клубочком около нее на диване. Он еще недостаточно вырос, чтобы уметь делать что-нибудь другое, и потому делал, что мог, и действительно утешал ее больше, чем мог предполагать.

– О, Мэри, – как-то услышал он ее разговор со служанкой, – я уверена, что он старается помочь мне! Он часто глядит на меня с такой любовью, таким вопрошающим взглядом, как будто жалеет меня, а потом начинает ласкать или показывать мне свои игрушки. Совсем как взрослый Я думаю, что он знает…

Когда он подрос, у него появился ряд милых и оригинальных ухваток, которые очень нравились всем окружающим, Для матери он был таким близким другом, что она и не искала себе других. Они обыкновенно вместе гуляли, вместе болтали и вместе играли, С самых ранних лет он выучился читать, а потом, лежа по вечерам на ковре перед камином, читал вслух то сказки, то толстые книги, которые читают взрослые люди, а то и газеты.

И Мэри, сидя у себя в кухне, не раз слышала в эти часы, как миссис Эрроль от души хохотала над тем, что он говорил.

– Положительно нельзя удержаться от смеха, когда слу-

шаешь его чудачества, – говорила она лавочнику. – В самый день выборов нового президента пришел он ко мне на кухню, встал у печки таким красавчиком, руки засунул в кармашки, лицо сделал серьезное-пресерьезное, точно у судьи, и говорит: «Мэри, я очень интересуюсь выборами. Я республиканец, и Милочка тоже. А вы, Мэри, тоже республиканка?» – «Нет, я демократка», – отвечала я. «Ах, Мэри, – воскликнул он, – вы доведете страну до гибели!..» И с тех пор не проходит дня, чтобы он не старался воздействовать на мои политические убеждения.

Мэри очень любила его и очень гордилась им; она служила в их доме со дня его рождения, а после смерти его отца исполняла все обязанности: была и кухаркой, и горничной, и няней; она гордилась его красотой, его маленьким крепким телом, его милыми манерами, но в особенности гордилась его вьющимися волосами, длинными локонами, обрамлявшими его лоб и ниспадавшими ему на плечи. Она готова была с утра до ночи помогать его матери, когда она шила ему детские костюмчики или убирала и починяла его вещи.

– Совсем аристократ! – не раз восклицала она. – Ей-Богу, хотела бы я видеть среди детей с Пятой улицы такого красавчика, как он *[Пятая улица – одна из лучших улиц Нью-Йорка, где живет наиболее богатая часть населения города]*. Все мужчины, женщины и даже дети засматриваются на него и на его бархатный костюмчик, сшитый из старого платья барыни. Он себе идет, подняв головку, а кудри так и раз-

веваются по ветру… Совсем молодой лорд!..

Седрик не догадывался, что он походит на молодого лорда, – он даже не знал значения этого слова. Лучшим его другом был лавочник с противоположного угла улицы, человек сердитый, но никогда не сердившийся на него. Звали его мистер Гоббс. Седрик очень любил и глубоко уважал его. Он считал его необыкновенно богатым и могущественным человеком – ведь сколько вкусных вещей лежало у него в лавке: сливы, винные ягоды, апельсины, разные бисквиты, к тому же у него была еще лошадь и тележка. Положим, Седрик любил и молочницу, и булочника, и продавщицу яблок, но мистера Гоббса он любил все-таки больше всех и находился с ним в таких дружеских отношениях, что приходил к нему каждый день, беседуя по целым часам о разных текущих вопросах дня. Удивительно, как долго они могли разговаривать друг с другом – в особенности о 4-м июля *[Национальный праздник в Соединенных Штатах – День провозглашения независимости],* – просто конца не было! Мистер Гоббс вообще весьма неодобрительно относился к «британцам» и, рассказывая о революции, передавал удивительные факты о безобразных поступках противников и о редкой храбрости героев революции. Когда же он принимался цитировать некоторые параграфы из «Декларации Независимости», Седрик обыкновенно приходил в сильнейшее возбуждение; глаза его горели, щеки пылали, а кудри превращались в целую шапку спутанных золотистых волос. С нетерпени-

ем доедал он обед по возвращении домой, спеша как можно скорее передать все услышанное маме. Пожалуй, мистер Гоббс первый возбудил в нем интерес к политике. Он любил читать газеты, а потому Седрик узнал очень многое из того, что делалось в Вашингтоне. При этом мистер Гоббс обыкновенно высказывал свое мнение о том, хорошо или дурно относился президент к своим обязанностям. Однажды после новых выборов мистер Гоббс остался особенно доволен результатами баллотировки, и нам даже кажется, что, не будь его и Седрика, страна могла очутиться на краю гибели. Както раз мистер Гоббс взял с собою Седрика, чтобы показать ему процессию с факелами, и потом многие из участников ее, несших факелы, долго помнили, как какой-то рослый человек стоял у фонарного столба и держал на плече хорошенького мальчугана, который громко кричал и весело размахивал своей шапочкой.

Как раз вскоре после этих самых выборов, когда Седрику было почти восемь лет, случилось одно необыкновенное событие, сразу изменившее всю его жизнь. Странно, что именно в тот день, когда это случилось, он говорил с мистером Гоббсом об Англии и английской королеве, причем мистер Гоббс весьма неодобрительно отзывался об аристократах, в особенности же о графах и маркизах. Был очень жаркий день, и Седрик, наигравшись в солдатики с другими мальчиками, отправился отдыхать в лавку, где нашел мистера Гоббса за чтением «Лондонской иллюстрированной газеты», в

которой было изображено какое-то придворное торжество.

– А, – воскликнул он, – вот они теперь чем занимаются! Только не долго им радоваться! Скоро наступит время, когда те, которых они теперь прижимают, поднимутся и взорвут их на воздух, всех этих графов и маркизов! Час этот приближается! Им не мешает подумать о нем!..

Седрик, как всегда, взобрался на стул, сдвинул свою шапочку на затылок и засунул руки в карманы.

– А вы много видели графов и маркизов, мистер Гоббс? – спросил он.

– Я? Нет, – с негодованием воскликнул мистер Гоббс. – Хотел бы я посмотреть, как бы они явились сюда! Ни одному из этих жадных тиранов я не позволил бы сесть на мой ящик.

Мистер Гоббс так гордился этим чувством презрения к аристократам, что невольно вызывающе посмотрел кругом себя и строго наморщил лоб.

– А может быть, они не захотели бы быть графами, если б знали что-нибудь лучшее, – ответил Седрик, чувствуя какую-то смутную симпатию к этим людям, находящимся в таком неприятном положении.

– Ну, вот еще! – воскликнул мистер Гоббс. – Они похваляются своим положением. Это у них прирожденно! Скверная компания.

Как раз в самый разгар их разговора появилась Мэри.

Седрик сперва подумал, что она пришла покупать сахар или что-нибудь в этом роде, но оказалось совсем другое. Она

была бледна и точно взволнована чем-то.

– Пойдем, дорогой мой, мама ждет, – сказала она.

Седрик соскочил со своего сидения.

– Она, вероятно, хочет пойти гулять со мною, Мэри? – спросил он. – Прощайте, мистер Гоббс, я скоро опять приду.

Он был удивлен, видя, что Мэри как-то странно смотрит на него и все время качает головой.

– Что такое случилось? – спросил он. – Тебе, вероятно, очень жарко?

– Нет, – ответила Мэри, – но у нас случилось нечто необыкновенное.

– У мамы от жары разболелась голова? – с беспокойством спросил мальчик.

Дело было совсем не в этом. У самого дома они увидели перед подъездом карету, а в гостиной в это время кто-то разговаривал с мамой. Мэри тотчас же повела Седрика наверх, надела на него его лучший костюмчик из светлой фланели, застегнула на нем красный пояс и тщательно расчесала его кудри.

– Все графы да князья! Пропади они совсем! – ворчала она себе под нос.

Все это было очень странно, но Седрик был уверен, что мама объяснит ему, в чем дело, и потому он предоставил Мэри ворчать, сколько ей угодно, не расспрашивая ее ни о чем. Окончив свой туалет, он побежал в гостиную, где застал высокого, худого старого господина с резкими чертами лица,

сидевшего в кресле. Недалеко от него стояла мама, взволнованная и бледная. Седрик сразу заметил слезы на ее глазах.

– О, Седди, – с каким-то страхом и взволнованно воскликнула она и, подбежав к своему маленькому мальчику, крепко обняла и поцеловала его. – О, Седди, мой милый!

Старый господин поднялся и внимательно поглядел на Седрика своими проницательными глазами. Он потер костлявой рукой подбородок и, по-видимому, остался доволен своим осмотром.

– Итак, я вижу перед собою маленького лорда Фаунтлероя? – тихо сказал он.

Глава II
Друзья Седрика

В течение всей последующей недели в целом мире нельзя было бы найти более пораженного и выбитого из колем мальчика, чем Седрик. Во-первых, все, что рассказала ему мама, было непостижимо. Прежде чем понять хоть что-нибудь, ему пришлось два или три раза выслушать один и тот же рассказ. Он решительно не мог себе представить, как отнесется к этому мистер Гоббс. Ведь вся эта история начиналась с графов. Его дедушка, которого он совсем не знал, был граф; и его старый дядя – не упади он только с лошади и не расшибись до смерти – впоследствии тоже стал бы графом, точно так же, как и его второй дядя, умерший от горячки в Риме. Наконец, и его папа, если бы был жив, сделался бы графом. Но так как все они умерли и в живых остался только Седрик, то оказывается, что после смерти дедушки предстоит сделаться графом ему самому, а пока он называется лорд Фаунтлерой.

Седрик совсем побледнел, когда в первый раз услышал об этом.

– О, Милочка, – воскликнул он, обращаясь к матери, – я не хочу быть графом! Среди моих товарищей нет ни одного графа! Нельзя ли как-нибудь сделать так, чтобы не быть

графом?

Но оказалось, это неизбежно. И когда вечером они вместе сидели у открытого окна и смотрели на грязную улицу, то долго разговаривали об этом.

Седрик сидел на скамеечке, обхватив по обыкновению колени обеими руками, с выражением крайней растерянности на своем маленьком личике, весь раскрасневшись от непривычного напряжения. Его дедушка прислал за ним, желая, чтобы он приехал в Англию, и мама думала, что ему следует ехать.

– Потому, – говорила она, печально глядя на улицу, – что твой папа тоже пожелал бы видеть тебя в Англии. Он всегда был привязан к своему родному дому, да кроме того, надо принять во внимание много других соображений, которые недоступны пониманию таких маленьких мальчиков, как ты. Я была бы слишком эгоистичной матерью, если бы не согласилась на твой отъезд. Когда ты вырастешь, ты поймешь меня.

Седрик печально покачал головой.

– Мне очень жаль расставаться с мистером Гоббсом. Я думаю, он будет скучать по мне, да и я тоже буду скучать по всем моим знакомым.

Когда мистер Хевишэм, поверенный по делам лорда Доринкорта, избранный самим дедом в провожатые маленькому лорду Фаунтлерою, пришел к ним на другой день, Седрику пришлось услышать много нового. Впрочем, сообщение,

что он будет очень богат, когда вырастет, что у него будут повсюду замки, обширные парки, золотые прииски и большие поместья, в сущности, нисколько не утешало его. Он беспокоился о своем друге, мистере Гоббсе, и в сильном волнении решил отправиться к нему после завтрака.

Седрик застал его за чтением утренних газет и с необыкновенно серьезным видом приблизился к нему. Он предчувствовал, что перемена в его жизни причинит большое горе мистеру Гоббсу, а потому, направляясь теперь к нему, все время думал, в каких выражениях лучше всего передать ему об этом.

– Хелло! Здравствуй! – сказал мистер Гоббс.

– Здравствуйте, – ответил Седрик.

Он не вскарабкался, как бывало прежде, на высокий стул, а уселся на ящик с бисквитами, охватил руками колени и молчал так долго, что мистер Гоббс, наконец, вопросительно посмотрел на него из-за газеты.

– Хелло! – повторил он.

Седрик собрался, наконец, с духом и спросил:

– Мистер Гоббс, помните ли вы все, о чем мы с вами говорили вчера утром?

– Да, кажется, об Англии…

– А когда вошла в лавку Мэри?

Мистер Гоббс почесал затылок.

– Мы говорили о королеве Виктории и об аристократах.

– Да… и… о графах, – с некоторым колебанием добавил

Седрик.

– Да, насколько мне помнится, мы их немного поругали, – воскликнул мистер Гоббс.

Седрик покраснел до корней волос. Никогда еще в жизни не чувствовал он такой неловкости, догадываясь, что подобную неловкость мог почувствовать в эту минуту и сам мистер Гоббс.

– Вы сказали, – продолжал он, – что не позволили бы ни одному из них сесть на ваш ящик из-под бисквитов?

– Конечно, – с достоинством подтвердил мистер Гоббс. – Пускай бы только попробовали!

– Мистер Гоббс, – вскричал Седрик, – один из ник сидит в эту минуту на вашем ящике!

Мистер Гоббс чуть было не вскочил со своего стула.

– Что такое? – закричал он.

– Да, мистер Гоббс, – с надлежащей скромностью ответил Седрик. – Я – граф или, лучше сказать, скоро буду графом. Я не шучу.

Мистер Гоббс казался очень взволнованным; он встал со своего места, подошел к окну и посмотрел на термометр.

– У тебя, вероятно, разболелась от жары голова? – воскликнул он, оглядывая мальчика с головы до ног. – Сегодня уж слишком жарко! Как ты себя чувствуешь? Давно ли это у тебя?

С этими словами он положил свою большую руку на голову мальчика. Седрик совсем растерялся.

– Благодарю вас, – сказал он, – я здоров, и у меня совсем не болит голова. Но как мне ни жаль, а я должен повторить, мистер Гоббс, что все это правда. Вы помните, что Мэри приходила звать меня? Мистер Хевишэм говорил в это время с мамой, он – адвокат.

Мистер Гоббс опустился на стул и обтер платком свой мокрый лоб.

– Положительно, один из нас получил солнечный удар! – вымолвил он.

– Нет, – возразил Седрик, – но мы волей-неволею должны примириться с этой мыслью, мистер Гоббс. Мистер Хевишэм нарочно приехал из Англии, его послал мой дедушка, чтобы сообщить нам это.

Мистер Гоббс растерянно глядел на невинное, серьезное личико мальчика, стоявшего перед ним.

– Кто твой дедушка? – спросил он наконец. Седрик сунул руку в карман и осторожно вынул оттуда небольшой лист бумаги, на которой было что-то написано крупным, неровным почерком.

– Я никак не мог запомнить, а потому записал на бумаге, – ответил он и принялся читать написанное: – Джон Артур Молинё Эрроль, граф Доринкорт. Вот его имя, и живет он в замке – и не в одном, а, кажется, в двух или трех замках. И мой покойный папа был его младший сын, и я не был бы теперь лордом или графом, если бы папа остался жив, а он в свою очередь также не был бы графом, если бы его братья не

умерли. Но они все умерли, и в живых из мальчиков остался только я – вот почему я непременно должен быть графом, и дедушка зовет меня теперь в Англию.

С каждым словом лицо мистера Гоббса краснело все больше и больше, он тяжело дышал и то и дело отирал платком свой лоб и лысину. Только теперь начинал он понимать, что случилось действительно нечто необыкновенное. Но когда он глядел на маленького мальчика, сидящего на ящике с выражением наивного детского недоумения в глазах, и убеждался, что, в сущности, он нисколько не изменился, а остался все таким же хорошеньким, веселым и славным мальчуганом в черном костюмчике, каким был вчера, то вся эта история с титулом показалась ему еще более странной. Его удивляло и то обстоятельство, что Седрик говорит об этом совершенно просто, по-видимому, не понимая даже, насколько все это поразительно.

– Ну-ка, повтори, как тебя зовут? – спросил он наконец.

– Седрик Эрроль, лорд Фаунтлерой, – ответил тот. – Так назвал меня мистер Хевишэм. Когда я вошел в комнату, он сказал: «А, так вот каков маленький лорд Фаунтлерой!»

– Ну, – вскричал мистер Гоббс, – черт меня побери совсем!

Это восклицание являлось всегда у мистера Гоббса выражением сильнейшего волнения или удивления. В данную минуту он не мог бы даже подыскать другого слова.

Впрочем, сам Седрик находил такое заявление вполне

естественным и подходящим. Он так любил и уважал мистера Гоббса, что восхищался всякими его выражениями. Он слишком мало бывал в обществе, а потому не мог понять, что некоторые восклицания мистера Гоббса не вполне отвечали строгим требованиям хорошего тона. Он, конечно, понимал, что разговор его мамы несколько отличается от разговора мистера Гоббса, но ведь его мама – дама, а дамы, по его мнению, всегда отличаются от мужчин!

Мальчик пристально посмотрел на мистера Гоббса.

– А Англия далеко отсюда? – спросил он.

– Да, надо переплыть Атлантический океан, – ответил мистер Гоббс.

– Вот это самое худшее, – возразил Седрик. – Мы долго не увидимся с вами – и мысль об этом меня очень огорчает!

– Ну, что же делать – самые близкие друзья расстаются…

– Да, мы были друзья много лет подряд, не правда ли?

– Со дня твоего рождения, – ответил мистер Гоббс. – Тебе было всего шесть недель, когда ты в первый раз очутился на этой улице.

– Ах, – со вздохом сказал Седрик, – я не воображал тогда, что стану когда-нибудь графом!..

– А нельзя ли как-нибудь избежать этого? – спросил мистер Гоббс.

– Боюсь, что нет, – ответил Седрик. – Моя мама говорит, что папа, наверно, хотел бы, чтобы я поехал. Но говорю вам, мистер Гоббс, уж если мне суждено быть графом, я могу по

крайней мере одно сделать: постараться быть хорошим графом. И я не буду тираном. А если когда-нибудь снова случится война с Америкой, я постараюсь прекратить ее…

Его разговор с мистером Гоббсом был продолжителен и серьезен.

Успокоившись после первоначального изумления и волнения, мистер Гоббс отнесся к событию не с таким недовольством, какого можно было ожидать от него; он постарался помириться с фактами и в течение беседы успел задать массу разных вопросов. Но так как Седрик мог отвечать лишь на некоторые из них, то мистер Гоббс попытался сам разрешить их.

Будучи прекрасно осведомлен относительно графов, маркизов и дворянских поместий, он так своеобразно объяснил некоторые факты, что мистер Хевишэм, вероятно, был бы очень удивлен, если бы мог слышать его.

По правде сказать, многое и без того удивляло мистера Хэвишэма. Прожив всю свою жизнь в Англии, он совершенно не был знаком с нравами и обычаями американцев. В продолжение сорока лет он находился в деловых отношениях с семьей графа Доринкорта и, конечно, обстоятельно знал все, что касалось ее обширных владений, ее огромного богатства и общественного значения, и потому хотя холодно и бесстрастно, но все же по-своему интересовался маленьким мальчиком, будущим графом Доринкортом, которому предстояло сделаться наследником всего этого огромного состо-

яния. Ему хорошо было известно недовольство старого графа своими старшими сыновьями; он хорошо помнил бешеный гнев его по поводу женитьбы капитана на американке; знал также, как старик ненавидел свою молоденькую невестку, о которой отзывался не иначе, как в самых обидных выражениях. Он утверждал, что она была простой необразованной американкой, которая заставила капитана жениться на себе, зная, что он сын графа. Мистер Хевишэм и сам был почти уверен в справедливости такого суждения. Ему пришлось видеть на своем веку немало эгоистичных и корыстолюбивых людей, и он притом был не очень хорошего мнения об американцах. Когда он проезжал по отдаленной улице и карета его остановилась у скромного домика, он испытал какое-то неприятное чувство. Ему почти больно было думать, что будущий владелец замков Доринкорт, Уиндгем Тоуэр, Чарльворт и прочих великолепных поместий родился и рос в этом невзрачном домике, против мелочной лавочки. Мистер Хевишэм решительно не мог себе представить, какими окажутся мальчик и его мать. Он как будто даже боялся увидеть их. В душе он гордился знатной семьей, делами которой так давно занимался, и ему было бы весьма неприятно иметь дело с женщиной вульгарной и корыстолюбивой, не уважающей ни родины своего покойного мужа, ни достоинства его имени; между тем имя его было старинное и славное, и мистер Хевишэм сам питал к нему глубокое почтение, хотя и был лишь холодным, хитрым и деловым старым юристом.

Когда Мэри ввела его в маленькую гостиную, он критически осмотрел ее. Обставлена она была просто, но вид имела уютный.

Тут не было ни уродливой мебели, ни дешевых, пестрых картин; немногочисленные украшения отличались изяществом, а разбросанные в комнате хорошенькие вещицы, по-видимому, являлись произведениями женских рук.

«Совсем не так уж плохо, – подумал мистер Хевишэм. – Но, может быть, все окружающее было лишь отражением вкуса самого капитана?» – Однако, когда миссис Эрроль вошла в комнату, он невольно подумал, что немалая роль в создании этой обстановки принадлежит именно ей. И не будь мистер Хевишэм таким сдержанным и даже чопорным стариком, он, вероятно, наглядно обнаружил бы свое удивление при виде ее. В своем простом черном платье, плотно облегавшем ее стройную фигуру, она казалась скорее молоденькой девушкой, чем матерью семилетнего мальчика. У нее было красивое грустное личико, а взгляд ее больших карих глаз отличался какой-то особенной прелестью. Выражение печали не сходило с ее лица со дня смерти мужа. Седрик уже давно привык видеть ее такой; она оживлялась только в тех случаях, когда он играл или разговаривал с нею, употребляя какую-нибудь старомодную фразу или длинное слово, почерпнутое им из газет или бесед с мистером Гоббсом. Он очень любил употреблять длинные слова и был весьма доволен, когда его мама от души смеялась, слыша их, хотя, в

сущности, и не понимал, почему они казались ей смешными. Долгий жизненный опыт юриста научил мистера Хевишэма хорошо распознавать людей, а потому при первом же взгляде на миссис Эрроль он сразу убедился в том, что старый граф совершил крупную ошибку, считая свою невестку жадной и вульгарной женщиной. Сам мистер Хевишэм никогда не был женат и даже никогда не был влюблен, но он тем не менее понял, что эта хорошенькая и молоденькая женщина с мелодичным голосом и грустными глазами вышла замуж за капитана Эрроля только потому, что всей душой полюбила его и, конечно, не думала о том, что он сын богатого и знатного графа; и он начал думать, что его переговоры с ней не представят ему никаких затруднений и что, может быть, и будущий лорд Фаунтлерой не явится таким испытанием для его знатных родственников. Сам капитан Эрроль был очень красив, жена его оказалась очаровательной женщиной – вероятно, и сын окажется столь же красивым.

Как только мистер Хевишэм объяснил ей причину своего визита к ней, молодая женщина сразу побледнела.

– О, вы хотите взять его у меня! – воскликнула она со слезами на глазах и дрожащим голосом. – Мы так любим друг друга! У меня никого нет, кроме него. Он – вся моя жизнь! Я старалась быть хорошей матерью, и вы не можете себе представить, чем он был для меня! Мистер Хевишэм кашлянул.

– Я должен сообщить вам, что граф Доринкорт относится к вам не очень, не очень… доброжелательно. У него, как

у всякого старого человека, есть свои предрассудки. Он всегда недолюбливал американцев, и женитьба сына возбудила в нем сильнейший гнев. Я очень сожалею, что принужден говорить вам такие неприятные вещи, но дело в том, что граф положительно отказывается видеть вас у себя. Он желает, чтобы маленький лорд Фаунтлерой воспитывался под его наблюдением и жил в Доринкорт-Кэстле. Старый граф страдает подагрой, он не любит Лондона и всегда живет у себя в имении; лорду Фаунтлерою придется, вероятно, жить вместе с ним. Вам же граф предлагает поселиться в Корт-Лодже, находящемся неподалеку от Доринкорта, а также просит вас принять от него ежегодную пенсию. Лорд Фаунтлерой будет видеться с вами, но под тем лишь условием, чтобы вы сами никогда не посещали его и даже не ступали за ворота парка. Как видите, вам не грозит разлука с сыном, и я уверяю вас, что предлагаемые условия не так уж тяжелы сравнительно с тем, чем они могли бы быть. Во всяком случае, я уверен, что вы признаете все преимущества того положения и воспитания, которыми будет пользоваться ваш сын.

Мистер Хевишэм все время внутренне волновался при одной мысли, что она вдруг начнет плакать или сделает сцену, как это обыкновенно делают многие женщины, а он просто не выносил женских слез.

Но миссис Эрроль не заплакала, а только подошла к окну и несколько минут молча смотрела на улицу; он видел, как она боролась с собою.

– Капитан Эрроль всегда был привязан к Доринкорту, – сказала она наконец. – Он любил Англию и все английское, он всегда глубоко страдал от невозможности снова увидеть свою родину и всегда гордился своим домом и своим именем. Он захотел бы, я уверена, что он захотел бы, чтобы его сын увидал эти прекрасные места и чтобы воспитание мальчика соответствовало его будущему положению.

С этими словами она подошла к столу и, очень любезно смотря на мистера Хевишэма, продолжала:

– Да, я уверена, что мой муж желал бы этого. Так будет лучше для моего мальчика. Я надеюсь – нет, я даже уверена, – что граф не будет столь несправедливым, чтобы внушать мальчику нелюбовь ко мне; да, впрочем, я знаю, что если бы он даже попробовал, все его старания окажутся бесполезными: мой сын слишком похож на своего отца, чтобы причинить мне какое-нибудь горе. Он такой прямой, честный и добрый мальчик, и я уверена, что он не перестанет любить меня, даже если бы нас разлучили друг с другом. И раз мы будем видеться с ним, я не буду слишком сильно страдать.

«Она почти совсем не заботится о себе и не ставит даже никаких условий», – подумал старый юрист.

– Сударыня, – обратился он к ней, – я умею ценить ваши заботы о своем сыне. Он поблагодарит вас за это, когда вырастет. Могу уверить вас, что за лордом Фаунтлероем будет самый заботливый уход и что все будет сделано, чтобы обес-

печить его счастье. Граф Доринкорт будет заботиться о его благополучии и удобствах не хуже, чем это делали бы вы сами.

– Я надеюсь, что он полюбит Седди, – совсем упавшим голосом проговорила бедная мать. – Седди очень чуткий и привязчивый ребенок и привык, чтобы его все любили.

Мистер Хевишэм опять поперхнулся. Он никак не мог себе представить, чтобы раздражительный и сердитый граф Доринкорт мог сильно любить кого-нибудь, но он вместе с тем понимал, что если не любовь, то во всяком случае простой расчет заставит старого графа хорошо относиться к мальчику, который впоследствии сделается его наследником. К тому же он был глубоко убежден в том, что если только Седди окажется на высоте известных требований, то дедушка станет даже гордиться им.

– Я уверен, что лорд Фаунтлерой будет доволен своею жизнью. Забота о счастье ребенка явилась побудительной причиной, заставившей графа Доринкорта желать, чтобы вы поселились в близком соседстве с сыном и как можно чаще виделись с ним.

Он не счел скромным повторить в точности слова графа, далеко не любезные и не корректные. Он предпочел передать предложение своего знатного патрона в более мягком и учтивой форме.

Однако мистер Хевишэм снова почувствовал некоторое беспокойство, когда миссис Эрраль велела Мэри отыскать и

привести Седрика, а Мэри сказала, где он находятся.

– Я его сразу найду, – сказала Мэри, – он сейчас сидит у мистера Гоббса на своем высоком стуле у прилавка и болтает о политике или же возится в лавке среди мыла и свечей.

– Мистер Гоббс знает его со дня рождения, – объяснила миссис Эрроль. – Он очень любит Седди, и они большие друзья.

Мистер Хевишэм вспомнил, что, проезжая по улице, он действительно видел мелочную лавку, где стояли мешки с картофелем, ящики с яблоками и еще какие-то предметы, и это воспоминание вновь пробудило его сомнения. В Англии приличные дети обыкновенно не водят дружбы с простыми лавочниками, а потому такое времяпрепровождение показалось ему весьма странным. Было бы весьма грустно, если бы мальчик имел благодаря этому дурные манеры и полюбил общество ниже его стоящих людей. Ведь худшим унижением для старого графа была именно любовь к такому обществу его старших сыновей. Неужели же будущий лорд Фаунтлерой вместо хороших качеств отца унаследовал только пороки своих дядей?

В продолжение разговора с миссис Эрроль он все время думал об этом, но вот дверь отворилась и в комнату вбежал маленький мальчик.

С минуту мистер Хевишэм даже боялся взглянуть на него. Может быть, многие, хорошо знавшие старого адвоката, пришли бы в крайнее удивление, узнав о том странном чувстве,

которое охватило его, когда он рассматривал ребенка, бросившегося в объятия матери. Он испытывал какое-то непонятное волнение, и сразу понял, что перед его глазами один из самых прелестных мальчуганов, каких он когда– либо видел. Красота его была просто изумительной. Он отличался здоровой, крепкой, грациозной фигурой и мужественным выражением лица. Голову свою он держал высоко и на всех смотрел очень храбро. Сходство его с отцом было просто поразительно. У него были золотистые волосы отца и карие глаза матери, но в них не было заметно ни застенчивости, ни скрытой печали – напротив, взгляд их выражал невинную смелость и отвагу. Казалось, что он ничего не боится в жизни.

«Я никогда не видал такого очаровательного ребенка», – подумал мистер Хевишэм, но вслух сказал только:

– А, так вот каков маленький лорд Фаунтлерой?

И чем больше он смотрел на маленького лорда Фаунтлероя, тем сильнее становилось его удивление. Вообще он очень мало знал детей, хотя много видел их в Англии – хорошеньких и миловидных мальчиков и девочек, которые всегда находились под строгим надзором гувернеров и гувернанток, то застенчивые, то шаловливые, но никогда при этом не интересовавшие чопорного и холодного юриста. Очень может быть, что его личная заинтересованность в судьбе маленького лорда Фаунтлероя заставила его обратить на Седрика больше внимания, чем на других детей; во всяком слу-

чае он стал зорко наблюдать за каждым его движением.

Седрик даже не замечал этого и совершенно не изменил своего обычного обращения. По своему обыкновению, он дружески поздоровался с мистером Хевишэмом, когда мать познакомила его с ним, и отвечал на все его вопросы так же спокойно, как отвечал обыкновенно мистеру Гоббсу. Он не отличался ни застенчивостью, ни излишней развязностью, и когда мистер Хевишэм разговаривал с его матерью, то сразу заметил, что мальчуган с интересом следит за их разговором, точно взрослый человек.

– Мне кажется, что он не по летам развит, – сказал старый адвокат, обращаясь к миссис Эрроль.

– Да, но только в некоторых отношениях, – ответила она. – Он всегда быстро все перенимал. Он жил среди взрослых людей. У него оригинальная манера употреблять длинные слова и выражения, которые он слышал от других или вычитал из книг, но это не мешает ему любить все детские игры. Мне кажется, что он действительно очень способный, но все-таки еще совсем ребенок!

Уже при вторичной встрече с ним мистер Хевишэм мог лично убедиться в справедливости этих слов. Как только экипаж его стал огибать угол улицы, глазам его представилась целая группа маленьких мальчиков, находившихся, по-видимому, в сильном волнении. Двое из них собирались бежать вперегонки, причем один оказался именно лордом Фаунтлероем; он кричал, суетился, шумел не меньше осталь-

ных, стоя рядом с другим мальчиком, выставив свою маленькую ножку вперед.

– Раз, два, три! – скомандовал распорядитель.

Мистер Хевишэм высунулся из окна экипажа и с непонятным для него интересом стал внимательно следить за детьми; он видел, как при последнем слове «три!» мальчики пустились бежать. Ножки Седрика в красных чулочках так и замелькали, ручки были крепко сжаты в кулаки, и золотистые кудри так и развевались по ветру.

– Ура! Седди Эрроль! – орали мальчуганы в сильнейшем азарте. – Ура, Билли Вильямс! Ура, Седди! Ура, Билли! Ура! Ура!..

«Мне кажется, что он победит!» – подумал мистер Хевишэм. Действительно, необыкновенная быстрота ножек в красных чулочках, мелькавших перед его глазами, страшные усилия Билли Вильямса, следовавшего за ним чуть ли не по пятам, крики мальчуганов – все это почему-то волновало мистера Хевишэма.

– Я хотел бы… я хотел бы надеяться, что он победит! – прошептал он, смущенно покашливая.

В эту самую минуту компания мальчуганов разразилась громким криком. Один последний прыжок, и будущий граф Доринкорт достиг уличного фонаря и прикоснулся к нему как раз за две секунды до того, как задыхающийся от усталости Билли в свою очередь добрался до намеченного пункта,

– Ура! Ура! Седди Эрроль! – орала толпа. – Трижды ура! –

орали ребятишки.

Мистер Хевишэм высунулся в окно кареты и взглянул назад.

– Браво, браво, лорд Фаунтлерой! – сказал он с холодной усмешкой.

В то время, как его экипаж останавливался перед домом миссис Эрроль, оба мальчугана – победитель и побежденный – возвращались назад, сопровождаемые неумолкаемыми криками товарищей. Седрик шел рядом с Билли и все время разговаривал с ним. Его личико раскраснелось от возбуждения, растрепавшиеся кудри прилипли к влажному лбу, а руки были засунуты в карманы.

– Видишь ли, я победил только потому, что мои ноги длиннее твоих. Потом я ведь старше тебя на целых три дня, а это большое преимущество, – говорил он, видимо, желая утешить побежденного соперника.

Подобное объяснение факта до такой степени подняло упавший дух Билли Вильямса, что он сразу повеселел и, позабыв, что он не победитель, а побежденный, принялся даже хвастать своими прежними успехами.

Удивительно, как Седди Эрроль умел делать приятное людям. Даже в самый разгар своего триумфа он понимал, что побежденный противник не мог чувствовать себя таким счастливым, как он сам, и что ему было бы приятно причину своего неуспеха приписывать не себе, а лишь стечению неблагоприятных обстоятельств.

В тот же день мистер Хевишэм имел продолжительный разговор с победителем в беге – разговор, который не раз заставлял его улыбаться и потирать подбородок своими длинными костлявыми пальцами.

Миссис Эрроль была зачем-то вызвана из комнаты, и старый адвокат и Седрик остались с глазу на глаз. Сперва мистер Хевишэм решительно не знал, о чем заговорить с таким маленьким собеседником. Ему пришло в голову, что, пожалуй, было бы полезно преподать ему несколько нужных советов относительно первой встречи с дедушкой или объяснить ему ту важную перемену, которая ожидает его в недалеком будущем. Он видел, что Седрик не имел ни малейшего понятия о том, что ожидает его в Англии и какова будет ожидающая его обстановка. Он даже еще не знал, что его мама не будет жить в одном доме с ним. Мистер Хевишэм и миссис Эрроль сочли лучшим до поры до времени не говорить ему об этом, дав ему освоиться с мыслью о ждущей его новой жизни.

Старый адвокат сидел в кресле у открытого окна, а напротив него на таком же кресле восседал Седрик и пристально глядел на него. Он удобно откинулся в глубину кресла, прислонив свою кудрявую головку к спинке, скрестил ножки и глубоко засунул обе руки в карманы – точь-в-точь мистер Гоббс. Он весьма серьезно оглядывал мистера Хевишэма, когда тут находилась его мама, а после ее ухода продолжал все так же пристально смотреть на него.

По уходе миссис Эрроль из комнаты они оба немного помолчали. Седрик, видимо, изучал мистера Хевишэма, а мистер Хевишэм, в свою очередь, изучал Седрика. Он никак не мог решить, о чем может говорить старый почтенный человек с таким маленьким мальчиком, который побеждал в беге своих товарищей и носил красные чулочки на маленьких ножках, не достающих до пола, когда он сидит на кресле.

Но тут Седрик пришел к нему на помощь и первый начал разговор.

– Представьте себе, – сказал он, – я не знаю, что такое значит слово «граф»!

– Неужели? – спросил мистер Хевишэм.

– Да, не знаю, – ответил Седрик. – Но мне кажется, что если маленький мальчик должен сделаться графом, то ему следует знать, что это значит. Не так ли?

– Конечно, – ответил мистер Хевишэм.

– В таком случае, объясните мне, пожалуйста, что это такое? Кто сделал его графом?

– Король или королева прежде всего. Обыкновенно этот титул дается человеку в награду за геройский подвиг или за какую-нибудь большую услугу государству.

– О! – воскликнул Седрик. – Точно избрание президента.

– Так ли это? Разве ваш президент выбирается в силу таких же заслуг?

– Конечно, – воскликнул Седди, – как только появится какой-нибудь хороший, знающий и умный человек – сейчас

же его избирают в президенты! Потом на улицах начинают появляться процессии с зажженными факелами и все принимаются говорить длинные речи. Я нередко думал, что могу, пожалуй, стать президентом, но зато никогда в жизни не думал, что превращусь в графа… Впрочем, я не знал, что такое граф, – Прибавил он поспешно, сообразив, что мистер Хевишэм может обидеться, заподозрив его в нежелании сделаться таковым.

– Да, это далеко не то же самое, – возразил мистер Хевишэм.

– Почему? Разве тогда не бывает процессий с зажженными факелами?

Мистер Хевишэм скрестил ноги и сжал пальцы на обеих руках: ему казалось, что наступил именно тот момент, когда лучше всего объяснить мальчику его настоящее положение.

– Граф – это очень знатный и важный человек, – начал он.

– Такой же, как и президент? – прервал его Седди. – Во время выборов бывают процессии чуть ли не в пять верст длиною, пускают в воздух ракеты, а оркестр играет марши – все это я сам видел вместе с мистером Гоббсом.

– Титул графа, – продолжал мистер Хевишэм, чувствуя под собою не очень твердую почву, – принадлежит часто людям, род которых продолжается много веков подряд.

– Как так? – спросил Седди.

– Очень древнего рода, очень старинного.

– А, – сказал Седрик, еще глубже засунув руки в карма-

ны, – это нечто вроде старой продавщицы яблок, у нее тоже очень древний род. Она так стара, что едва держится на ногах. Вероятно, ей уж сто лет, а она даже и в дождь стоит у парка и продает яблоки. Мне очень жаль ее, и другие мальчики ее тоже жалеют. Как-то случилось, что у Билли Вильямса оказался в кармане целый доллар, и я сейчас же попросил его покупать у нее каждый день на пять центов яблок, пока хватит денег. Это должно было растянуться на целых двадцать дней подряд, а уже к концу первой недели яблоки ему страшно надоели; но тут подвернулся очень счастливый случай. Какой-то господин подарил мне пятьдесят центов, и я тогда уж сам начал покупать у нее яблоки! Ведь так жаль бедных и старых людей. Она родилась много лет тому назад и говорит, что года эти отзываются на ее старых костях, которые так и ноют в дождливую погоду!

При виде серьезного, наивного личика своего маленького собеседника мистер Хевишэм совершенно растерялся.

– Я боюсь, что вы не совсем понимаете меня, – сказал он наконец. – Когда я говорю о древнем роде, то не подразумеваю под этим словом старости. Я хочу сказать, что фамилия таких семейств была известна с древних времен и что имена многих из них в течение многих столетий упоминаются на страницах истории их родины.

– Например, как Джордж Вашингтон, – перебил его Седди. – Я слышал о нем со дня моего рождения, и сам он был известен еще гораздо раньше этого. Мистер Гоббс говорит,

что его никогда не забудут. Это благодаря Декларации независимости, вы знаете, и 4 июля. Удивительный был человек!

– Первый граф Доринкорт, – продолжал мистер Хевишэм с некоторой торжественностью, – получил этот титул целых четыреста лет тому назад…

– Да, да, – сказал Седди, – это очень давно. А вы рассказали об этом маме? Это будет ей очень интересно. Мы расскажем ей об этом, когда она вернется. Она любит слушать удивительные истории. Ну а что же еще должны делать графы кроме того, чтобы получить этот титул?

– Многие из них помогали королям управлять Англией, другие же были храбрыми воинами и сражались в былое время.

– Я бы тоже хотел сражаться, – воскликнул Седрик. – Мой папа был военный и был храбрый – такой же храбрый, как Джордж Вашингтон. Вероятно, по этой причине он был бы теперь графом, если бы не умер. Я очень рад, что графы храбрые люди. Это большое преимущество – быть храбрым человеком. Знаете, когда-то я больше всего боялся темноты, например, но потом излечился от этого, вспоминая всякий раз о храбрости Вашингтона и солдат революции.

– Помимо того нередко титул графа имеет и другие преимущества, – медленно произнес мистер Хевишэм, устремив пристальный и любопытный взгляд на маленького мальчика. – Некоторые графы имеют очень много денег.

Ему хотелось узнать, понимает ли его юный друг значение

денег.

– Это очень хорошо, – наивно ответил Седрик, – я бы хотел иметь много-много денег.

– Вот как? А для чего? – спросил мистер Хевишэм.

– Ну, так много можно сделать, имея деньги, – пояснил Седрик. – Вот хотя бы, например, продавщица яблок; будь я очень богатым, я сейчас же купил бы ей палатку для ее лотка и жаровню, а сам давал бы ей в дождливые дни по доллару, чтобы она могла оставаться дома. Ну, а потом я подарил бы ей еще шаль, и тогда ее старые кости не болели бы в дурную погоду. Ее кости не похожи на наши – они причиняют ей боль, когда она движется. Это очень неприятно, когда кости причиняют вам боль. Если бы я был так богат, чтобы сделать все это для нее, я думаю, ее кости вылечились бы.

– Хорошо, – сказал мистер Хевишэм, – а что бы вы еще сделали, если бы были богаты?

– О, я сделал бы еще очень много. Разумеется, я накупил бы Милочке разных разностей: книжечки с иголками, веер, золотые наперстки и кольца, энциклопедический словарь и экипаж, чтобы ей не приходилось ждать омнибусов на улице. И если бы она любила розовые шелковые платья, я бы непременно купил ей такое платье, но она больше любит черный цвет. Но я повел бы ее в большой-большой магазин и сказал бы ей, чтобы она получше все разглядела и выбирала себе, что хочет. А потом Дик…

– Кто такой Дик? – спросил мистер Хевишэм.

– Дик – чистильщик сапог, – пояснил маленький лорд, увлеченный своими планами. – Он один из лучших чистильщиков сапог. Он стоит на углу улицы в нижнем городе. Я знаю его уже давно. Однажды, когда я был совсем маленьким мальчиком, мы пошли с мамой гулять, и она купила мне большой мячик. Я его подбросил вверх, но он упал на середину улицы, по которой ехало много экипажей и лошадей. Я был так огорчен, что начал плакать, я ведь был совсем маленький. Я был в коротеньких штанишках, с голыми ногами, а Дик чистил сапоги; он кинулся с громким криком: «Хелло» на середину улицы и чуть ли не из-под ног лошадей вытащил мой мячик; он вытер его о свою куртку и дал его мне, говоря: «Готово, мальчик». Он очень понравился Милочке и мне тоже, и с тех пор при каждой прогулке мы всегда подходили к нему и разговаривали с ним. Сперва он скажет мне: «Хелло», а потом я ему скажу: «Хелло», затем он начинает рассказывать мне, как идет у него дело. Плохо оно теперь идет.

– А что вы хотели бы для него сделать? – спросил старый юрист, потирая, по обыкновению, подбородок и как– то странно улыбаясь.

– Я бы выкупил Джека, – ответил лорд Фаунтлерой тоном делового человека.

– А кто такой Джек? – спросил мистер Хевишэм.

– Это компаньон Дика. Не может быть худшего компаньона, говорит Дик. Он вредит делу и нечестный человек. Он обманщик, и это сводит Дика с ума. Вам было бы тоже

неприятно, если бы вы изо всей силы старались хорошо чистить сапоги и были бы честными, а ваш компаньон все время вел бы себя нечестно. Все любят Дика и терпеть не могут Джека, а потому многие не приходят во второй раз. Вот почему, если б я был богат, я выкупил бы долю Джека и дал бы Дику возможность купить знак для промысла. Он говорит, что со знаком дела должны идти хорошо. Я купил бы ему новый костюм и новые щетки, чтобы у него все было в порядке. Он говорит, что его единственное желание, чтобы все было в порядке.

Маленький лорд рассказывал все это в высшей степени доверчиво и искренне, употребляя уличные выражения своего приятеля Дика. По-видимому, у него не было и тени сомнения, что его старый собеседник может относиться к Дику с меньшим интересом, чем он сам. Действительно, мистер Хевишэм очень заинтересовался, но, пожалуй, не столько Диком или продавщицей яблок, сколько самим маленьким лордом, кудрявая головка которого была так занята всевозможными планами о благополучии друзей своего обладателя и, по-видимому, совсем забыла о нем самом.

– Нет ли чего-нибудь… – начал он. – Что бы вы хотели для самого себя, если б были богаты?

– О, мало ли чего! – живо ответил Седрик. – Но прежде всего я дал бы немного денег Мэри для Бриджет – это ее сестра, у которой муж без работы и десять человек детей. Она всегда плачет, когда приходит к нам, и мама постоянно

дает ей всякую провизию. Потом она начинает снова плакать и при этом всегда восклицает: «Да благословит вас Господь, моя красавица!» И я думаю, мистеру Гоббсу будет приятно получить золотые часы с цепочкой и янтарную трубку в память обо мне. И затем я хотел только устроить собрание…

– Какое собрание? – воскликнул мистер Хевишэм.

– Нечто вроде республиканского митинга, – стал объяснять Седрик со все возрастающим возбуждением. – У нас были бы факелы и мундиры для всех мальчиков, и для меня тоже. Мы стали бы маршировать, понимаете, и ходить по улицам… Вот что я хотел бы для себя, если бы был богат.

Дверь отворилась, и в комнату вошла миссис Эрроль.

– Извините меня, что я оставила вас, – сказала она, обращаясь к мистеру Хевишэму. – Ко мне пришла бедная женщина, нуждающаяся в помощи.

– Вот этот молодой джентльмен, – сказал мистер Хевишэм, – все время рассказывал мне о своих друзьях и о том, что он сделал бы для них, если б был богат.

– Бриджет тоже принадлежит к числу таких его друзей, – сказала миссис Эрроль. – С ней я и разговаривала на кухне. Бедняжка очень горюет. У ее мужа острый ревматизм.

При этих словах Седрик соскользнул со своего кресла.

– Я пойду к ней, – сказал он, – и спрошу, как он себя чувствует. Он очень искусный человек, когда здоров. И даже талантливый – однажды он сделал мне из дерева прекрасный меч…

С этими словами он выбежал из комнаты, и мистер Хевишэм встал с кресла. Казалось, он хотел что-то сказать, но, видимо, колебался и только после нескольких минут, посмотрев на миссис Эрроль, заговорил:

– Перед отъездом из Доринкорта я беседовал с графом, который дал мне некоторые указания. Он желает, чтобы его внук с удовольствием думал о своей будущей жизни в Англии, равно как и о предстоящем знакомстве с дедушкой. Он поручил мне дать понять лорду Фаунтлерою, что перемена в его жизни даст ему деньги и все те удовольствия, которые дороги детям; я должен удовлетворять все его желания, говоря при этом, что этим он обязан деду. Я полагаю, что граф Доринкорт не рассчитывал на такое начало, но я уверен, что он был бы рад исполнить желание своего внука помочь бедной женщине.

Мистер Хевишэм вторично не совсем точно передал слова графа. Лорд в действительности сказал следующее:

«Объясните мальчугану, что я могу дать ему все, что ему захочется. Дайте ему понять, что значит быть внуком графа Доринкорта. Покупайте ему все, что ему понравится, наполните его карманы золотом и скажите ему, что все это дал ему дедушка».

Нет никакого сомнения, что его мотивы были далеко не гуманны, а не будь Седрик таким сердечным и добрым мальчиком, такая система могла привести к очень печальным последствиям. Но мать Седрика была слишком доверчивой и

мягкой натурой, чтобы подозревать это. Она подумала только, что, может быть, этот старый, одинокий и несчастный человек, дети которого умерли, хочет быть ласковым с ее мальчиком и этим расположить его к себе. Она была очень довольна, что Седрик может теперь помочь бедной Бриджет и что необычайная перемена в его судьбе прежде всего дает ему возможность помогать тем, кто нуждается в помощи. Молодая женщина даже покраснела от удовольствия.

– Как это хорошо со стороны графа! – воскликнула она. – Седрик будет так рад! Он всегда любил Бриджет и Микеля. Они очень достойные люди. Я всегда желала помочь им, но, к сожалению, не могла. Микель очень хороший работник, когда он здоров, но он уже так долго болен и нуждается в дорогих лекарствах, в хорошем питании и в теплой одежде. Он и Бриджет не выбросят на ветер того, что им дадут.

Мистер Хевишэм вынул из кармана туго набитый бумажник. На лице его появилось какой-то странное выражение. Он невольно подумал о том, что скажет и подумает тщеславный, бессердечный аристократ, когда узнает о первом желании своего внука.

– Мне кажется, вы ясно не представляете себе, как богат граф Дориикорт, – сказал он. – Он может удовлетворить любую прихоть лорда Фаунтлероя, и я думаю, ему доставит удовольствие узнать, что прихоть лорда Фаунтлероя удовлетворена. Если вы позовете его сюда и позволите мне это, я дам ему для Бриджет и ее мужа пять фунтов стерлингов.

– Но ведь это двадцать пять долларов! – воскликнула миссис Эрроль. – Я просто не могу поверить этому – ведь это целое состояние для таких бедных людей!

– Да, – возразил мистер Хевишэм с холодной усмешкой. – Не забывайте, что в судьбе вашего сына произошла огромная перемена, которая дает ему большое могущество.

– О, – воскликнула мать. – А он еще такой маленький мальчик! Как научу я его распоряжаться таким огромным состоянием? Мне просто страшно за своего сына! Мой милый маленький Седди!..

Юрист снова откашлялся. Его жестокое старое сердце положительно тронул нежный и робкий взгляд ее карих глаз.

– Мне, кажется, сударыня, – сказал он, – судя по нашему разговору с лордом Фаунтлероем, что будущий граф Доринкорт будет думать о других не меньше, чем о самом себе. Хотя он еще совсем ребенок, но я думаю, на него можно в этом смысле положиться.

Миссис Эрроль пошла за Седриком и привела его снова в гостиную. Мистер Хевишэм слышал, как он по дороге говорил матери:

– Это суставной ревматизм, самый ужасный. Он все время беспокоится об уплате за квартиру, и это, по словам Бриджет, только ухудшает его болезнь. И Пат мог бы получить место в лавке, если б у него была приличная одежда.

Мистер Хевишэм заметил, что лицо его было очень озабочено, когда он вошел в комнату; он был огорчен за Бриджет.

– Мама сказала, что вы зовете меня, – обратился он к мистеру Хевишэму. – Я разговаривал с Бриджет.

Мистер Хевишэм посмотрел на него как-то нерешительно и колеблясь. Мать Седрика была права: он был совсем маленьким ребенком.

– Граф Доринкорт, – начал он и запнулся, невольно бросив взгляд на миссис Эрроль.

Вдруг мать встала на колени перед сыном и, нежно обняв его, сказала:

– Седди, граф – твой дедушка, он папа твоего папы. Он очень, очень добрый, он любит тебя и хочет, чтобы ты любил его, потому что его сыновья, которые были его мальчиками, уже умерли. Он желает, чтобы ты был счастлив и делал счастливыми других людей. Он очень богат и хочет, чтобы у тебя было все, что ты пожелаешь. Он сказал это мистеру Хевишэму и дал ему для тебя очень много денег. Ты теперь можешь дать из этих денег Бриджет, чтобы заплатить за квартиру и купить все нужное для Микеля. Разве это не хорошо, Седди? Разве он не добрый человек?

И она поцеловала круглую щечку мальчика, который весь раскраснелся от неожиданности.

– Я могу получить эти деньги сейчас? – воскликнул он, смотря то на мать, то на мистера Хевишэма, – Можно отдать их теперь же? А то она собирается уходить.

Мистер Хевишэм вручил ему деньги: пять новеньких бумажек, и Седди со всех ног бросился вон из комнаты.

– Бриджет, подождите минутку, вот вам деньги! Это для вас, вы можете теперь заплатить за квартиру. Дедушка мне их прислал. Это вам и Микелю!.. – услышали они его возгласы, доносившиеся с кухни.

– Ох, мистер Седди, – чуть не с ужасом воскликнула Бриджет, – ведь тут двадцать пять долларов! Где ваша мама?

– Мне придется пойти на кухню и разъяснить ей, в чем дело, – сказала миссис Эрроль.

Она ушла, и мистер Хевишэм остался один в комнате. Он подошел к окну и стал задумчиво глядеть на улицу. Он невольно представил себе в эту минуту графа Доринкорта, сидящего в своей большой и роскошной, но мрачной библиотеке, – старого, страдающего подагрой, окруженного величием и роскошью, но совершенно одинокого. Его никто не любил, может быть потому, что во всю свою долгую жизнь он сам никого не любил, кроме себя. Гордый, себялюбивый и злой, он так был занят графом Доринкортом и его удовольствиями, что ему не хватало времени думать о других. Все его богатство, все его могущество, все преимущества его знатного имени и положения должны были в его глазах служить только для того, чтобы доставлять удовольствия и наслаждения графу Доринкорту. И вот теперь, в старости, эта вечная погоня за удовольствиями и эгоизм оставили ему лишь расстроенное здоровье, постоянную раздражительность, отвращение к людям, которые, в свою очередь, тоже не любили его. Несмотря на весь его блеск, в целой

Англии не нашлось бы более непопулярного человека, чем граф Доринкорт. Трудно представить себе более одинокого человека. Он мог, если бы захотел, наполнять свой замок гостями, задавать блестящие обеды и устраивать роскошные охоты, но в душе он сознавал, что гости, принявшие его приглашение, не любят его, боятся его сердитого лица и саркастических, злых замечаний. Жестокий по натуре, он с тайным наслаждением насмехался над людьми, конфузил их при каждом удобном случае, в особенности тогда, когда перед ним были люди гордые, застенчивые или самолюбивые.

Мистер Хевишэм хорошо знал его жестокий и злой характер и думал о нем, стоя у окна и смотря на тихую узкую улицу. И перед ним встал, в виде резкого контраста, образ прелестного, жизнерадостного мальчика, сидящего в большом кресле и невинно рассказывавшего ему разные истории о своих друзьях – о Дике и о продавщице яблок. Он думал также о том огромном богатстве, о тех великолепных имениях, о том могуществе, которые со временем окажутся в пухлых ручонках маленького лорда Фаунтлероя, так глубоко засовывающего их в карманы.

«Да, это совсем не то, – думал он про себя, – это совсем не то!»

Миссис Эрроль и Седрик скоро вернулись. Мальчуган был очень возбужден. Он уселся в кресло, между матерью и адвокатом, и принял одну из своих причудливых поз, обняв колени руками. Он был полон радости по поводу счастья и

восторга Бриджет.

– Знаете, ведь она заплакала от радости, – воскликнул он. – Я не знал до сих пор, что люди могут плакать от радости! Мой дедушка, должно быть, очень добрый человек. Я не знал, что он такой добрый. Я никогда не воображал, что так приятно быть графом! Я почти рад, я почти совсем рад, что тоже стану графом.

Глава III
Отъезд

В течение следующей недели Седрик все более и более убеждался в преимуществах графского достоинства. Казалось, что он не сможет как следует понять, что все его желания будут исполняться с необычайною легкостью. И действительно, он не совсем понимал это. Однако после нескольких разговоров с мистером Хевишэмом он, наконец, вполне уяснил себе тот факт, что может исполнять все свои желания, а потому принялся осуществлять их так просто и с таким восторгом, что доставлял мистеру Хевишэму немало веселых минут. Перед отъездом в Англию он не раз удивлял старого адвоката. Тот долго не мог забыть, например, их визита в одно прекрасное утро к Дику или же вечернее посещение торговки яблоками, предпринятое с целью объявить ей, стоя перед ее лотком, что в скором времени она получит в подарок палатку, жаровню, шаль и немного денег; этот подарок, по-видимому, привел ее в полнейшее недоумение.

– Видите ли, я еду в Англию и буду там лордом, – пояснил ей добродушно Седрик, – и мне не хочется, чтобы ваши кости мне вспоминались всякий раз, когда будет идти дождь. Мои кости никогда не болят, и я думаю, что не могу себе представить, как мучительно, когда они болят. Но я очень

сочувствую вам и надеюсь, что теперь вам будет лучше.

– Она очень хорошая продавщица яблок, – говорил он потом мистеру Хевишэму, когда они возвращались, оставив обладательницу лотка с разинутым ртом и не верящей своему счастью. – Однажды, когда я упал и расшиб себе колено, она угостила меня яблоком, и я никогда не забуду этого. Знаете, всегда ведь помнишь людей, которые были добры к тебе.

Милый мальчик и не подозревал в то время, что люди обыкновенно не помнят добра.

Свидание с Диком было очень трогательно. Как раз в этот день Джек чем-то снова обидел бедного Дика, и тот находился в самом подавленном состоянии духа. Каково же было его удивление, когда Седрик спокойно объявил ему, что они пришли дать ему денег, чтобы он мог уладить все свои дела. Дик почти онемел от неожиданности. Мистер Хевишэм стоял рядом и в душе невольно удивлялся той простоте и непринужденности, с которой маленький лорд объяснял цель своего визита. Необычайное известие, что его маленький друг так неожиданно превратился в лорда и что ему грозит опасность стать графом, если он будет еще долго жить, до такой степени изумило Дика, что он широко разинул рот, выпучил глаза и уронил шапку. Поднимая ее, он произнёс какое-то странное восклицание. По крайней мере, странным оно показалось мистеру Хевишэму, но Седрик не удивился.

– Вот как! Не опоили ли вас чем-нибудь? – сказал Дик.

Маленький лорд слегка сконфузился, но вскоре оправился.

– Сперва все думали, что это неправда. Мистер Гоббс вообразил даже, что со мной случился солнечный удар! Сперва мне самому не нравилось быть грифом, ну, а теперь я нахожу, что это очень приятно. Теперь графом мой дедушка, и он хочет, чтобы я делал все, что мне нравится. Он очень добр, хотя и граф; он прислал мне с мистером Хевишэмом очень много денег, и я могу тратить их, как хочу! Вот я и принес тебе немного денег, чтобы ты выкупил Джека.

Действительно, дело кончилось тем, что Дик откупился от своего компаньона, сделался самостоятельным хозяином предприятия и получил в придачу новые щетки, прекрасный костюм и блестящий знак. Он точно так же, как и старая торговка яблоками, не сразу поверил в свое счастье и, широко вытаращив глаза от удивления, не переставал глядеть на своего благодетеля. Дик опомнился только тогда, когда Седрик, прощаясь с ним, подал ему руку.

– Ну, прощай, Дик! – сказал он, и хотя он старался говорить спокойно, голос его задрожал и глаза заморгали. – Надеюсь, что твое дело пойдет хорошо. Мне жаль с тобой расставаться, но может быть, я вернусь сюда, когда буду графом. Я хотел бы, чтобы ты мне писал, ведь мы всегда были добрыми друзьями. И если ты напишешь мне, вот тебе мой адрес, – прибавил он, протягивая клочок бумаги.

– Только теперь мое имя уже не Седрик Эрроль, а лорд

Фаунтлерой. Ну, прощай, Дик!

Глаза Дика невольно затуманились слезой. Он был совсем простой мальчик, а потому решительно не смог бы объяснить то чувство, которое охватило его, если бы попробовать это сделать. Может быть, он поэтому и не стал пробовать, а только заморгал глазами и начал откашливаться, чувствуя какое-то щекотание в горле.

– Лучше, если б ты совсем не уезжал отсюда, – сказал он дрожащим от волнения голосом и снова замигал глазами. Потом, обратившись к мистеру Хевишэму и дотронувшись рукой до шляпы, он глухо прибавил: – Благодарю вас, сэр, за то, что вы привели его сюда, и за то, что вы для меня сделали. Хороший он мальчик! Я так любил его… Он такой забавный парень, такой… такой чудной!..

Когда они ушли, он еще долго смотрел им вслед; глаза его были затуманены, а в горле щекотало.

До самого отъезда Седрик старался проводить возможно больше времени в лавке мистера Гоббса, который, видимо, был очень огорчен предстоящей разлукой. Когда его молодой друг, ликуя, принес ему прощальный подарок – золотые часы с цепью, мистеру Гоббсу было трудно поблагодарить его как следует. Он положил футляр на свое толстое колено и стал громко сморкаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.